

В.И. Карасик

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

АКСИОГЕННЫЕ СОБЫТИЯ: ПРИЗНАКИ И ТИПЫ¹

Предлагается новое понятие в лингвокультурологии – аксиогенное событие – положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление. Обсуждается структура этой единицы, ее признаки и типы. Описаны два формата языковой фиксации аксиогенных событий – казуальные и провербиальные единицы.

Ключевые слова: лингвокультурология, ценности, картина мира, аксиогенные события, казуальные события, провербиальные события.

The article deals with axiogenic event – a new notion in linguoculturology – a dynamic situation which attracts attention, implies evaluation and is apt for transference of meaning. I open for a discussion the questions of its structure, characteristic features and types as exemplified by two types of its implementation in casual and proverbial events.

Key words: Linguoculturology, values, mapping of the world, axiogenic events, casual events, proverbial events.

В ряду понятий лингвокультурологии выделяются концепты – кванты переживаемого знания, картина мира – система взаимосвязанных концептов, интерпретирующих фрагментируемую реальность, лингвокультурные типажи – обобщенные узнаваемые личности, в поведении которых в концентрированном виде выражены отличительные признаки культуры, лингвокультурные скрипты (сценарии) – ценностно маркированные и этнокультурно обусловленные алгоритмы коммуникативного поведения, лингвокультурные лакуны – значимые пустоты в ментально-языковом пространстве [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 11; 12; 13]. Вместе с тем представляется, что к перечисленным понятиям относятся и определенные события – осмысленные положения дел, имеющие место в объективной и субъективной реальности и являющиеся фактурой картины мира. Такие события могут быть более или менее ценностно мотивированными, или, говоря точнее, аксиогенными. Например, кто-то пришел или не пришел на помощь человеку, оказавшемуся в беде, либо дал обещание и нарушил его, либо испортил то, что хотел исправить, и т.д. Список таких ситуаций весьма широк, но конечен. Важно отметить, что такие положения дел выделяются на фоне событий, которые не представляются значимыми для коллектива или личности.

Гипотетически можно выделить следующие системообразующие признаки аксиогенного события: это положение дел, заслуживающее внимания, допускающее переосмысление и, главное, выражающее ту или иную ценность – высший ориентир поведения. Аксиогенные события могут носить объективный характер либо быть сконструированными как в произведениях художественной литературы, так и в обиходных повествованиях. Например, строители

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания №2014/411 (код проекта: 1417).

халатно отнеслись к своему делу, и дом рухнул (объективная реальность), либо фея дала героине подарок с ограниченным сроком действия (фикция). Такие события не должны быть самоочевидными, иначе на них не обратят внимания. Каждое аксиогенное событие содержит интригу, которая может быть усилена при изложении или описании такого события.

Основу аксиогенного события составляет диада, включающая инициальную и финальную стадии этого события, при этом финальная стадия является для нас неожиданной и содержит информацию, которая определяет наше отношение к миру. Например:

Вернувшийся вечером с соколиной охоты герой очень хотел пить. Он потянулся к стоящему в углу кувшину с водой. Любимый сокол, сидевший на его руке, взлетел и ударил его. Герой оттолкнул птицу и попытался вновь взять кувшин, и сокол вновь помешал своему хозяину напиться. Охотник пришел в ярость и сильно ударил птицу. Тогда окровавленный сокол взлетел и столкнул сосуд со стола. Кувшин разбился, там лежала змея.

В этой притче отражено аксиогенное событие «неверная интерпретация дружеского поступка». Эта ситуация становится аксиогенной на фоне простых и предсказуемых положений дел: охотник взял кувшин и напился, либо увидел змею и убил ее, либо сокол улетел на свой насест и остался там и т.д. Обратим внимание на то, что инициальная стадия может быть многокомпонентной. В частности, фольклорная традиция требует троекратного повторения того или иного действия. Обычно имеет место некоторая градация по интенсивности действий (оттолкнул – ударил). Сокол становится символом друга, которого не поняли.

Аксиогенные события фиксируются в специально выработанных в ходе длительной коммуникативной практики форматах, таких как легенды, пословицы, афоризмы, притчи, анекдоты, но прототипным жанром аксиогенного события является нарратив о чем-либо. Например:

Когда карета, в которой ехала королева, остановилась перед лужей, один из придворных быстро снял свой плащ и растелил его на земле, чтобы Ее Величество не испачкала туфли.

Перед нами аксиогенное событие «целесообразная жертва». Плащ придворного стоит достаточно дорого, но демонстрация галантности позволяет герою нарратива заработать значительно более весомый символический капитал, по П. Бурдье. Испачканный плащ становится символом галантной преданности царедворца.

Обратим внимание на контрастное фабульное изображение приведенных аксиогенных событий: желание – помеха, помощь – ошибочное наказание, грязь – дорогая одежда. Структура аксиогенных событий отчасти соотносима со структурой волшебной сказки, по В.Я. Проппу, но поскольку сказочный сюжет составляет малую часть целостной сюжетности миропорядка, значимыми оказываются весьма разнородные события.

В качестве подобных событий фигурируют удивительные, героические, жестокие, смешные, глупые и другие происшествия, оставшиеся в памяти людей. Повторяясь, они становятся прецедентными явлениями [7; 10]. Особенно значимыми являются поступки, т.е. действия, предполагающие выбор и свидетельствующие о приоритетах действующего лица.

Запоминаются аксиогенные события «неадекватная стимулу реакция»:

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold), английский поэт и литературный критик, был известен своей бескомпромиссной строгостью. Он был также чиновником отдела об-

разования. Однажды одна шестилетняя девочка попросила его почитать ей книгу. Он ответил ей, что очень удивлен и огорчен ее просьбой, и потребовал от нее, чтобы она немедленно научилась читать, иначе он посадит ее родителей в тюрьму. Через несколько недель ребенок уже читал.

Если бы взрослый человек просто выполнил просьбу ребенка или даже пожурил девочку за то, что она не умеет читать, этот факт не стал бы аксиогенным. Угрозы оказываются действенным способом добиться быстрого успеха. Аналогичный смысл имеет и сюжет о расстреле безбилетных пассажиров в Германии. Страх перед наказанием становится одним из базовых мотивов поведения законопослушных граждан. Подчеркну: реальность или фикциональность такого события оказывается нерелевантной для того, чтобы оно было осмыслено как аксиогенное.

Очень значимо аксиогенное событие «предательство своих». Этот сюжет хорошо разработан в мифологии и литературе и частотен в повседневном поведении. Например:

Когда известного отечественного ученого-генетика Николая Ивановича Вавилова судили, его коллеги по очереди вставали и критиковали его. После каждого выступления академик говорил «спасибо» выступившему. Но в одном случае он сказал: «Вас я не благодарю, Вы не мой ученик».

Рассматриваемое событие является сложным по своей структуре и распадается на две части: «доверие – предательство» и «узнавание о предательстве – реакция на предательство». В приведенном примере проиллюстрирована вторая часть данного положения дел. Ожидаемыми являются возмущение и скорбь со стороны пострадавшего, но вместо этого он благодарит своих обвинителей, а случай демонстративного нежелания благодарить лишь усиливает идею сожаления о том, что помощь была оказана недостойным людям. Благодарность превращается в обвинение, и этот переход приобретает аксиогенный смысл.

Мена местами придуманного и реального положения дел - традиционный прием сюжетопостроения. Все знают, что существует логика реального и придуманного миров, которые не пересекаются. Но в ряде случаев происходит трансформация этих миров, и такие случаи заслуживают внимания. Например:

Известный английский актер и драматург Ноэль Кауэрд (Noel Coward) любил розыгрыши. Однажды он отправил одинаковые анонимные письма 20 самым известным лондонцам с текстом: «Все обнаружено. Спасайтесь, пока можете». К утру все 20 покинули город.

В аксиогенном событии «переворачивание реальности» – то, что рассматривалось как невероятное, становится действительностью. Комический эффект этого события состоит в том, что у известных лондонцев были причины спастись (имплицитруется то, что у них были проблемы с законом).

Заслуживает внимания анекдотичный случай, приведенный в «Грешных записках» Льва Дурова:

Турист из Германии приехал в Тверскую область, чтобы поохотиться на медведя. Это – очень дорогая поездка. Зверя никак не могли найти, но вспомнили, что в областном цирке есть медведь, у которого обнаружили катаракту и которого собираются

усыпить. Удалось договориться с работниками цирка, медведя привезли в лес, в назначенный вечер егеря сняли с него намордник и выпустили его в определенном месте. Недалеко была тропинка, и на ней оказалась дачница на велосипеде. Увидев зверя, она бросила велосипед и сумку и со всех ног пустилась бежать, а медведь спокойно поднял велосипед, сел и поехал. Охотник после этого два месяца пролежал в больнице с инфарктом.

Приведенный пример относится к аксиогенному событию «курьезное происшествие», эти события весьма вариативны. Заметим, что в этой странной охоте развиваются сценарии, каждый из которых вовсе не комичен: обреченный цирковой зверь, испуганная на смерть дачница, получивший инфаркт турист, но основной сюжет события представляет собой накладку двух несовместимых фреймов – охота на дикое опасное животное и веселое цирковое выступление этого животного. Ситуация становится комической, а медведь на велосипеде в лесу превращается в символ абсурда.

Казуальные (casus – случай) аксиогенные события составляют основу тех ситуаций, которые, накапливаясь в коллективной памяти, образуют фактуру для оценочных суждений. Наиболее важные наблюдения касаются провербиальных событий, т.е. событий, образующих паремииологический фонд языка и культуры. В разных языках мира одно и то же аксиогенное событие обозначается с помощью разных образов. Так, идея о том, что при поединке двух сильных противников добыча может достаться слабому наблюдателю, выражается следующим образом:

Два ястреба дерутся – воробью корм достанется (адыгейск.); *Собаки подрались – нищий обрадовался* (груз.); *Два сокола поссорятся – вороне корм перепадет* (узбекск.); *Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбак* (японск.). Римляне выражали эту идею коротко: *Tertius gaudens – Третий радующийся* (лат.).

Акцентируется аксиогенная идея извлечения пользы для слабого противника из противоборства сильных. Эта мысль отражена в одной из древних китайских стратагем – боевых правил ведения войны с более сильным противником: «*Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров*» [9]. Использование разногласий или борьбы между противниками для собственной выгоды отмечено в качестве важного правила выживания.

Провербиальное аксиогенное событие может быть развернуто в казуальное. Например: *Из круглых камней стена непрочная* (кит). Смысл этой пословицы состоит в том, что нельзя угождать всем: круглый – не имеющий углов, т.е. не имеющий недоброжелателей. Если развернуть пословицу в повествование, то можно прийти к такой притче:

Для строительства стены взяли круглые камни, они не могли зацепиться друг за друга, стена оказалась непрочной и рассыпалась.

Уточним: смысл приведенной пословицы сводится к совету выбирать себе друзей, которые могут сказать тебе и неприятные вещи, а те, кто хочет всем угодить, вряд ли будут надежны.

В некоторых пословицах в спрессованном виде прослеживается история народа:

Вымершие халдейцы веют солому ассирийцев гнилыми вилами арамейцев (ассирийск.).

Упомянуты жители древнего Ближнего Востока – халдеи, ассирийцы и арамейцы, которые когда-то воевали друг с другом, при этом халдеи и арамейцы ассимилировались и

исчезли как этносы, а ассирийцы остались, хотя и не получили своего национально-государственного суверенитета. В пословице выражена идея торжества над исчезновением. Было время, когда Ассирия была могучей державой, затем государство прекратило существование, но народ остался. В качестве прототипного события, лежащего в основе аксиогенной ситуации, взято сельскохозяйственное производство – веять значит очищать обмолоченное зерно от мякины и сора, подбрасывая его в направлении против ветра. В приведенной пословице значимы атрибуты: «*вымершие халдейцы*» и «*гнилые вилы арамейцев*», т.е. проводится антитеза: жизнь – смерть. Вместе с тем обратим внимание на то, что сами ассирийцы свою солому не обрабатывают, а горделиво подчеркивают свой статус хозяев, на которых работают другие. Они не просто сохранились, но и остались в своей душе представителями великого царства. На мой взгляд, в данном случае аксиогенным событием является сохранение народа вопреки обстоятельствам.

Все пословицы можно разделить на два класса: предписания вести (или не вести) себя определенным образом и принять нечто к сведению. К первому типу паремнологических единиц относится, например, следующее речение:

Никакой лимон сладким не сделаешь (бенгальск.).

Известно, что лимон является прототипным представителем кислых фруктов, и невозможно вывести сладкие лимоны. Отсюда вытекает более общий вывод о том, что не следует вкладывать силы в заведомо невыполнимое дело. Демонстрация отрицательного опыта (в том числе и воображаемого) – сильное аргументативное средство. Словосочетание «сладкий лимон» в данном случае представляет собой оксюморон с символическим смыслом невозможного положения дел.

Ко второму типу пословиц относится следующее речение:

Привязанный буйвол ненавидит пасущегося (вьетнамск.).

Речь идет о зависти несвободных к свободным. Обратим внимание на то, что в данном речении нет призыва к борьбе за свободу. Аксиогенный смысл состоит в совете принять к сведению, что имеет место определенное положение дел. С иных позиций эту пословицу можно проинтерпретировать и как отношение к неравенству. С позиций наблюдателя (именно такая позиция выражена в паремии), выражено мнение, что неравенство существует, и было бы наивным предполагать, что те, кто оказался в худшем положении, будут хорошо относиться к тем, кому повезло.

Подведем основные итоги.

В качестве единицы референциальной базы ценностной картины мира представляется возможным ввести понятие «аксиогенное событие» – положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление. Аксиогенное событие имеет бинарную структуру – инициальная и финальная стадии, причем финальная стадия должна быть в определенной степени непредсказуемой. Существуют выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных событий – казуальные, проverbsиальные и другие нарративы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаева Е.В.* Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
3. *Воркачев С.Г.* Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.
6. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
7. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284с.
8. *Пименова М.В.* Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
9. *Сидорков С.В.* Функционально-семантические аспекты языковой стратагемности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997. 29 с.
10. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
11. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
12. *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001.
13. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.